

A detailed fantasy illustration of three adventurers standing on a rocky path, looking up at a massive, ancient stone structure built into a cliff. The structure features a tall spire, arches, and a waterfall. The scene is set in a mountainous region with a blue sky and white clouds.

Даниил Куклин

Вадлвилль и Айтаун: Путь в Низину

Даниил Куклин

**Вадлвилль и Айтаун:
Путь в Низину**

«Автор»

2026

Куклин Д. М.

Вадлвилль и Айтаун: Путь в Низину / Д. М. Куклин — «Автор», 2026

В королевстве Уфгард железо и хлеб ценятся дороже жизни. Новый король душил всех налогами, сажает умных в темницы, а разбойников возводит в сословие. Четверо друзей — Василиск (чувствует трещины в камне), Артемион (меткий лучник), Даниэль (договаривается с землёй) и Айзен (строитель мостов из света) — решают бежать в Низину, где можно дышать. Трое уходят в ночь, а Айзен остаётся прикрыть отход, но клянётся догнать по тайным знакам: треугольник на камне — иди прямо, сломанная ветка — смена направления, крест — опасность, длинная черта на песке — здесь ждут. Это история о дружбе, которая не кончается, о побеге из гниющего мира и о том, можно ли построить «мост» для других, если сам идёшь в неизвестность. Первый том цикла «Забытые Хроники»

© Куклин Д. М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Книга I: Королевство Уфгард и его тень	5
Глава первая. Запах воска и стали	5
Глава вторая. Четвёртый	6
Глава третья. Тёмная корона	7
Книга II: Гроза и путь сквозь камень	9
Глава четвёртая. Первые три дня	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Даниил Куклин

Вадлвилль и Айтаун: Путь в Низину

Книга I: Королевство Уфгард и его тень

Глава первая. Запах воска и стали

До того, как Низина узнала их имена, до того, как пепел и вишни стали их памятниками, до того, как ветер над рекой начал шептать четыре имени, они были просто мальчишками, бегавшими по пыльным коридорам королевского двора Уфгарда. Земля эта славилась железом, хлебом и жестокими законами, но дети не замечали жестокости — они росли в ней, как трава растёт сквозь трещины в камне, не зная, что камень может раздавить.

Василиск родился в семье смотрителя шахт. Его отец отвечал за то, чтобы своды не рушились, а штольни дышали — чтобы люди, спускающиеся под землю, могли вернуться наверх с золотом в мешках и воздухом в лёгких. Василиск не помнил себя без инструментов. К шести годам он мог починить засов на двери, который не открывался уже тридцать лет. К семи — разобрать старый водяной насос, который не качал воду со времён деда. А к девяти — собрать его обратно, и тот работал лучше прежнего. Его называли «каменным пальцем» — за то, что он чувствовал трещину в стене даже не глядя, не прикасаясь, просто стоя рядом и слушая, как камень дышит. Он мог провести ладонью над кирпичом и сказать: «Здесь через год упадёт». И через год падало.

Артемион был другим. Он родился в семье обедневших дворян, чей титул давно превратился в пыль на гербовой бумаге — пыль, которую никто не считал, потому что считать было уже нечего. Но его мать, дочь старого лучника, научила его держать арбалет прежде, чем он пошел в школу. Он не помнил, как впервые взял в руки оружие — казалось, оно всегда там было, как продолжение пальцев. Он проходил кадетские учения, где его учили не стрелять по цели — а ждать. Терпеть. Выбирать момент. Его прозвали «соколом за столом» — ибо даже за едой он высматривал невидимую цель. Он мог сидеть в засаде полдня, не шевелясь, не моргая, и только когда цель оказывалась в нужной точке — он выдыхал, и стрела находила её, где бы она ни была. Артемион не любил говорить о том, сколько людей он убил. Но он помнил каждого — по тому, как они падали, по звуку, который издавали их тела при ударе о землю.

Даниэль происходил из купеческого рода. Его отец торговал зерном, шерстью и солью — всем, что можно было взвесить, продать и съесть. Даниэль не любил меч и не любил кирку. Он любил смотреть на поле, измерять урожай, слушать, как растёт зерно, и считать, сколько монет оно принесёт. Он умел договариваться с теми, кто не умел говорить, — с лошадьми, с собаками, с землёй. Он мог подойти к дикому жеребцу, положить руку на шею и прошептать что-то такое, от чего зверь переставал дрожать и начинал слушать. Он говорил: «Животное не врёт. Если оно боится — значит, есть причина. Если оно доверяет — значит, ты заслужил». Даниэль был единственным из четверых, кто никогда не повышал голоса. Даже когда вокруг горел огонь.

Они учились вместе в залах, где пахло воском и кожей; на тренировочных дворах, где звенела сталь; в ночных садах, где мальчишки крали яблоки у королевского садовника. Они были разными, как дерево, вода и камень. Но они стали неразлучны — потому что в этом мире, где короли сажали умных в темницы, а разбойников называли новым сословием, быть неразлучным было единственным способом не сойти с ума.

Глава вторая. Четвёртый

Когда им было по восемнадцать — возраст, когда мальчишки уже начинают чувствовать, что мир не так прост, как казалось, — в их круг вошёл четвёртый, их давний приятель.

Айзен был того же возраста. С глазами, которые смотрели сквозь собеседника, словно видели не то, что сказано, а то, что будет сказано через десять лет. Он учился на курсе, которого не существовало в старых учебниках Уфгарда: новое строительство. Искусство стекла и стали. Чертежи, которые королевские зодчие называли «бредом мечтателя», а Айзен называл «единственным способом не умереть от скуки».

Но Айзен не спорил. Он просто рисовал. Он рисовал мосты, перекинутые через реки, которые ещё никто не перешёл; башни, пронзающие облака, где звук колокола не умирал, а жил в ветре; стены, сделанные не из камня, а из света и воздуха — прозрачные, лёгкие, но такие прочные, что их не мог пробить таран. Однажды он показал друзьям чертёж здания, полностью прозрачного, где каждый человек мог бы видеть небо, стоя на полу, и где голос любого гражданина звучал бы так же громко, как голос короля. Артемион долго смотрел на чертёж. Потом промолвил:

— Это невозможно.

— Это неизбежно, — ответил Айзен. — Вопрос не в том, построим ли мы это. Вопрос в том, умрём ли мы до того, как это построят.

Они собирались часто. У Даниэля — играть в карты, сбрасывая медяки на стол, и спорить до хрипоты о том, сколько стоит мешок ржи, а потом не спать до утра, объясняя друг другу, почему один из них проиграл. У Василиска — пить хмельное, глядя на огонь в камине, и рассказывать истории о том, что в старых штольнях Уфгарда живут тени, которые помнят имена всех, кто умер под землёй, и что эти тени иногда шепчут на ухо тем, кто спускается слишком глубоко. У Артемиона — скакать на лошадях по утренним полям, пока солнце не поднималось над туманными холмами, и ветер не срывал с их лиц пот и грязь. У Айзена — говорить о девах, о стекле, о том, что мир давно пора перестроить, и что они, четверо, могут стать теми, кто это сделает.

Они не знали, что это пророчество.

Но в этих разговорах всегда была тень. Тень, которая ложилась на стол во время карт, на стены во время скачек, на чертежи Айзена. Потому что в Уфгарде не всё было спокойно. И тень становилась всё гуще.

Глава третья. Тёмная корона

Когда старый король Уфгарда умер — тихо, во сне, как умирают старые короли, которым больше нечего делать, — на престол взошёл его наследник. Человек с лицом, похожим на запертую дверь. Гладкое, без морщин, без следов улыбки или гнева. Только глаза: маленькие, тёмные, смотрящие на тебя так, будто ты уже мёртв, но ещё не понял этого.

Король не был злым, он был страшен своей заботой. Он боялся потерять власть так сильно, что начал душить всё, что могло расти. Он сажал умнейших в темницы, потому что умный человек опасен. Ведь он может придумать то, что король не придумал. Он давил предпринимательство, потому что богатый человек независим — он может купить меч и нанять людей. Он облагал налогами даже нищих. На улицах Уфгарда появились люди, которые стояли с пустыми карманами и смотрели в небо, не понимая, почему небо не отвечает.

Разбойники перестали быть изгоями. Они стали новым классом — теми, кого король терпел, чтобы они грабили тех, кто ещё не заплатил «налог за жизнь». Разбойники носили не рваные плащи, а кожаные куртки с медными заклёпками. Они сидели в тавернах и пили то же вино, что пили купцы. Они смеялись громко — смехом людей, которые знают, что закон теперь на их стороне.

Друзья смотрели на это и не могли молчать. Они терпели год. Два. На третий — приняли решение.

В тот вечер они сидели у Василиска в мастерской. В камине горел огонь, пахло маслом и металлом. Артемион чистил арбалет — медленно, с каким-то почтительным вниманием. Даниэль перебирал семена, пересыпая их из ладони в ладонь. Василиск точил нож, и звук стали о камень был единственным, что нарушало тишину. Айзен сидел в углу и чертил на стене — мост, который он хотел построить. Линии ложились ровно, уверенно.

— Здесь отныне невозможно жить, — сказал Василиск, не поднимая глаз. Он провёл пальцем по лезвию, проверяя остроту.

Артемион поднял голову, посмотрел на него, потом перевёл взгляд на окно, за которым темнел Уфгард.

— Да. Я вчера видел, как сборщики забрали у старухи последнюю монету. Она стояла и смотрела им вслед. Тихо так. Без злобы. Как будто привыкла. — Он помолчал. — Я не желаю видеть это.

Даниэль засыпал семена обратно в мешок, затянул шнурок и только потом сказал, глядя в огонь:

— У меня участок за городом. Там, где раньше росла рожь. Теперь там ничего не растёт. Даже сорняки. Я в прошлый раз пришёл — смотрю, земля серая, как после пожара. И ветер такой же.

— Это не ветер, — тихо ответил Василиск. — Это Уфгард. Он выдувает всё.

Айзен отложил уголь, повернулся к ним. Он смотрел на друзей, и в его взгляде было что-то, чего раньше не было — не страх, нет, а твёрдая, холодная ясность.

— Я не могу уйти, — сказал он. — Меня не отпустят. Я нужен королю. Он знает, что я строю будущее. И он хочет, чтобы я строил его для него.

Артемион посмотрел на него. Долго. Потом сказал:

— Значит, мы уйдём. А ты догонишь.

Даниэль кивнул, но не поднял взгляда от огня:

— Мы оставим тебе знаки. По пути. Мы начертим путь на камнях.

— И на деревьях, — добавил Василиск.

— И на песке, — закончил Артемион. — Только ты смотри. Не пропусти.

Даниэль вдруг оживился, словно вспомнил что-то дорогое, запрятанное глубоко в детстве. Он поднял глаза на Айзена, и в них блеснул тот самый мальчишеский огонь, который, казалось, давно погасили уфгардские ветра.

— Помнишь, как в детстве? — спросил он. — Все мы играли в древнюю игру в разведчиков. У каждого был свой код, чтобы не заблудиться.

Айзен медленно кивнул. Он помнил.

— Треугольник на камне — иди прямо, — начал загибать пальцы Даниэль. — Ветка, сломанная надвое и повернутая в сторону, — мы сменили направление. Крест из двух линий на земле — здесь опасно, будь осторожен. И длинная черта на песке — здесь мы тебя ждали. Используем привычный код, Айзен. Мы будем чертить его везде, где пройдем.

— Ты только иди, — добавил Василиск. — Не останавливайся. Если остановишься — они тебя догонят. А я не хочу тебя хоронить.

— За языком следи, — усмехнулся Артемион. — Мы дождемся.

В ту ночь они собрались у ворот. Луна спряталась за тучи, будто не хотела видеть расставания. Они взяли самое необходимое: инструменты, арбалет, семена, карту. Айзен стоял в тени арки — бледный, но с ясным, ледяным взглядом. Он смотрел на каждого из них по очереди, стараясь запомнить всё: как падают тени от плаща Артемиона, как Даниэль перебирает ремни, как Василиск уже одной рукой ощупывает засов на воротах, проверяя, закрыты ли они.

— Я догону вас, друзья, — сказал он. Коротко, будто давал клятву.

— Мы оставим знаки, — ответил Даниэль. — Где бы они ни были. На камнях, на деревьях, на песке.

— Треугольник, ветка, крест и линия, — добавил Айзен, перечисляя код, как молитву. — Я не забуду.

Они обнялись. Объятие было коротким, но таким, которое остаётся в костях на всю жизнь. Айзен почувствовал, как его друзья пахнут дорогой — потом, ветром, пылью. Он зажмурился, чтобы запомнить этот запах.

Айзен остался во тьме. Трое ушли в ночь.

Книга II: Гроза и путь сквозь камень

Глава четвёртая. Первые три дня

Первые три дня похода выдались добрыми — такими добрыми, что друзья иногда забывали, что ушли навсегда. Дороги Уфгарда остались позади: сперва мощёные тракты с королевскими указами, потом просёлочные пути, а затем и они исчезли, растворились в высокой траве, словно земля заметала следы за беглецами. Солнце стояло высоко, ветер нёс медовый запах чабреца, и друзья шли легко, будто просто выбрались за городскую стену, чтобы вдохнуть воздуха, которого в Уфгарде давно не осталось.

Даниэль то и дело отклонялся от пути, собирал незнакомые растения — подносил к глазам, катал на ладони, заворачивал в листья лопуха и прятал в мешок. Один раз он опустился на колени перед кустом с сизыми ягодами, раздавил одну и понюхал.

— Что там? — спросил Василиск.

— Земля не отравлена. Хороший знак.

Артемион шагал впереди, и взгляд его скользил по горизонту непрерывно — он приучил себя видеть всё. На второй день заметил оленя, поднял арбалет, но не выстрелил.

— Он не боится. Значит, здесь ещё не знают человека с оружием. Пусть живёт.

Но к вечеру он всё же подстрелил двух жирных зайцев — быстро, чисто, почти беззвучно. Каждый выстрел был сухим щелчком, за которым следовала тишина и мягкий стук тела о траву.

Василиск замыкал цепочку. Он слушал землю под ногами: где она звенит пустотой, где держит тяжесть. Когда Даниэль провалился в кротовую нору, бросил, не глядя: «Здесь правее иди. Там корни держат». Даниэль послушался — земля стала плотнее. Василиск шёл с полуприкрытыми глазами, читая землю, как книгу.

Вечером первого дня разбили лагерь у ручья. Артемион освежевал зайцев, Даниэль развёл костёр, а Василиск чинил сапог Даниэля, неторопливо, стежок за стежком, будто в своей мастерской. Они разговаривали мало — в тишине и так звучало всё нужное: дыхание, шаги, плеск ручья, треск костра, далёкий крик ночной птицы.

На второй день Даниэль наткнулся на проплешины — круг выжженной земли. Потрогал пепел, понюхал.

— Здесь жгли костёр. Дней пять назад. Ушли на восток — не в нашу сторону.

Артемион подобрался, оглядел горизонт. Василиск подошёл, посмотрел на проплешины.

— Ты по золе читаешь?

— По земле, — ответил Даниэль. — Зола — буквы. Земля — вся книга.

Они обошли проплешины и двинулись дальше, но теперь Артемион останавливался чаще, а Василиск прислушивался к каждому звуку.

На третий день тропа вывела на пологий холм, с которого открылась такая ширь, что все трое замерли. До горизонта расстилалась зелёная равнина с редкими островками леса, серебряной ниткой реки и тенями облаков, ползущими по траве.

— Красиво, — сказал Даниэль.

— Опасно. Слишком открыто, — возразил Артемион.

— Зато и мы видим за версту, — заметил Василиск и вдруг указал на замшелый камень у тропы. — Смотри.

На камне, на уровне глаз, был выбит грубый треугольник. Друзья переглянулись. Артемион провёл пальцем по линии — края выветренные, замшелые.

— Ему лет десять, не меньше, — сказал Василиск.

— Кто-то шёл этим путём до нас, — проговорил Даниэль. — Кто-то, кто знал наш код.

Они постояли молча, потом двинулись дальше, но уже не так легко. В их взгляде читалось понимание: дорога, которую они выбрали, существовала задолго до них. Кто-то уже прошёл по ней, пользуясь тем же тайным языком — треугольниками, ветками, крестами и линиями на песке. И этот кто-то, возможно, тоже шёл в поисках света.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.